

Следующая мера демократизации армии – введение института комиссаров.

Заимствованная из истории французских революционных войн, эта идея подымалась в разное время, в различных кругах, имея своим главным обоснованием недоверие к командному составу.

Интересно, что даже такой прямолинейный поборник здравых начал существования армии, каким был генерал Марков, еще в начале апреля, видя и страдая от ничем не оправдываемого недоверия, которое вдруг проявила солдатская среда к офицерству, послал в министерство проект введения в каждую армию комиссара – представителя военного министра, который мог бы видеть и свидетельствовать полную лояльность командного состава.

Председатель совета министров Львов прислал в мае в Ставку общие основания вводимого им института комиссаров. На них, по мысли правительства, возлагалось гражданское управление на театре войны, на основаниях, изложенных в положении о полевом управлении войск, а также вся область снабжения, питания войск и санитарно-гигиенически-эвакуационная. Находясь в прямом и исключительном подчинении органам Временного правительства, комиссары лишь согласовывали свои действия с соответствующими военными начальниками. Это предположение, окончательно вырывавшее из рук командного состава важнейшие военно-административные функции, встретило резкий протест со стороны Ставки, и тотчас же было оставлено правительством.

Между тем напор, и довольно сильный, шел с другой стороны. Совещание делегатов фронта в середине апреля обратилось с категорическим требованием к Совету рабочих и солдатских депутатов о введении в армии комиссаров, мотивируя необходимость его тем, что нет более возможности сохранить порядок и спокойствие в отношениях солдат к отдельным лицам командного состава, и что если до сих пор удавалось избежать случаев самосуда и смещения, то только потому, что армия ждала соответственных мер Совета и правительства и не хотела вносить беспорядок и осложнять их работу. Вместе с тем совещание предложило совершенно нелепый проект одновременного существования в армиях трех комиссаров от: 1) Временного правительства, 2) Совета рабочих и солдатских депутатов, 3) Армейских комитетов. При этом совещание в своих требованиях заходило очень далеко, возлагая на комиссариаты как на контрольный орган рассмотрение всех дел и вопросов, относящихся к компетенции командующих

армиями и фронтами; скрепление своею подписью всех приказов; производство расследования деятельности командного состава и право отвода его.

На этой почве между Советом рабочих и солдатских депутатов и правительством шли длительные переговоры, и в конце апреля состоялось соглашение о назначении в армии комиссаров – по одному от Временного правительства и по одному от Совета. Позднее, однако, это решение было изменено, вероятно, ввиду появления у власти коалиционного министерства (5 мая), и комиссар армии назначался один по соглашению правительства и Совета, являясь представителем обеих инстанций и перед обеими ответственным.

В конце июня Временное правительство учредило должность комиссаров фронтов, определив их функции следующим образом: руководствуясь указаниями военного министерства, направлять к единообразному разрешению все политические вопросы, возникающие в пределах армий фронта, содействуя согласованной работе армейских комиссаров.

Позднее, в конце июля организация завершилась учреждением должности верховного комиссара при Ставке, а все делопроизводство – сосредоточено в политическом отделе при военном министре.

Никаких законов, определяющих права и обязанности комиссара, издано не было. Начальники, по крайней мере, не знали их вовсе – это одно уже давало большую пищу для всех последующих недоразумений и столкновений. Генерал Монкевиц на основании инструкции Керенского, которую я не помню, в таких общих выражениях определяет роль комиссаров: служить посредниками между высшим командованием и войсками, сглаживать трения, их разделяющие, руководить политической жизнью армии, заботиться об улучшении материального положения солдат, равно как о развитии их морального и интеллектуального состояния.

Негласною обязанностью комиссаров явилось наблюдение за командным составом и штабами в смысле их политической благонадежности. В этом отношении демократический режим, пожалуй, превзошел самодержавный, – я убедился в этом и на Западном, и на Юго-западном фронтах, читая телеграфную переписку комиссариатов с Петроградом, которую, да простят мне господа комиссары, штаб давал мне в расшифрованном виде тотчас же после ее отправления. Но если эта последняя роль

комиссаров требовала только известного навыка к политическому сыску, то гласные их обязанности были гораздо сложнее: они требовали государственного взгляда, точного знания цели, которая должна быть достигнута, знания психологии не только солдатской и офицерской среды, но и старшего командного состава, знания основных начал существования, службы и быта армии, большого такта и, наконец, личных интеллектуальных качеств: мужества, твердой воли и энергии.

Только эти данные могли хоть до некоторой степени ослабить тяжкие последствия мероприятия, вырвавшего из рук военного начальника (или, вернее, санкционировавшего свершившийся факт) возможность влияния на войска, которое одно только могло укрепить веру и надежду в победу.

К сожалению, таких элементов в среде, близкой к правительству и Совету и пользовавшейся их доверием, не было. Состав комиссаров, известных мне, определяется таким образом: офицеры военного времени, врачи, адвокаты, публицисты, ссыльнопоселенцы, эмигранты – потерявшие связь с русской жизнью, члены боевых организаций и т. д. Ясно, что достаточного знания среды у этих лиц быть не могло.

Что касается политических взглядов указанных лиц, то все они принадлежали к социалистическим партиям, от социал-демократов – меньшевиков до группы «Единства», ходили в партийных шорах и зачастую не проводили общей политической линии правительства, считая себя связанными советской и партийной дисциплиной. Сообразно с партийными политическими учениями, у самих комиссаров не было даже однообразного отношения к войне. Один из наиболее честно, по-своему, конечно, относившихся к исполнению своих обязанностей, комиссар Станкевич, отправляясь к наступающей дивизии, мучится сомнениями: «...Они (солдаты) верят, что мы не хотим их обмануть, и поэтому насильно отбрасывают от себя сомнения и идут умирать и убивать. Но мы-то, вправе ли мы не только убеждать, но и брать на себя решение за других?!..» Даже в вопросе о большевизме – не все комиссары, как удостоверяет Савинков, стояли на одинаковой точке зрения, не все считали желательной и возможной решительную борьбу с большевиками. Савинков составлял вообще исключение. Не будучи военным по профессии, но закаленный в борьбе и скитаниях, в постоянной опасности, с руками, обогранными кровью политических убийств, – этот человек знал законы борьбы и, сбросив с себя иго партии, более твердо, чем другие, вел борьбу с дезорганизацией армии; но при этом вносил слишком много личного элемента в свое отношение к событиям.

Что касается личных качеств комиссаров, то, за исключением нескольких, типа близкого к Савинкову, никто из них не выделялся ни силою, ни особенной энергией. Люди слова, но не дела. Быть может, недостаточная подготовка комиссаров не имела бы таких отрицательных последствий, если бы не одно обстоятельство: не зная точно круга своих обязанностей, они постепенно начинали вторгаться решительно во все области жизни и службы войск, отчасти по своей инициативе, отчасти побуждаемые к этому солдатской средой и войсковыми комитетами, а иногда даже боявшимися ответственности начальниками. Вопросы назначений, смещений, даже вопросы оперативные составляли предмет внимания комиссаров, не только с точки зрения «скрытой контрреволюционности», но и целесообразности принимаемых мер. И путаница понятий была настолько велика, что командный состав послабее духом иногда совершенно терялся. Я помню такой факт. Во время июльского отступления Юго-западного фронта один из корпусных командиров необдуманно разрушил хорошо оборудованную военную дорогу, поставив в крайне затруднительное положение армию. Отчисленный от должности командующим армией, он впоследствии пришел ко мне с самым искренним недоумением – за что его отрешили, когда он действовал... по указанию комиссара?

Отражая взгляды Совета р. и с. д., поддерживая в трогательной неприкосновенности новоприобретенные права солдата, комиссариат не оказался на высоте и в своей основной задаче – в руководстве политической жизнью армии: зачастую самая разрушительная проповедь допускалась безвозбранно; солдатские митинги и комитеты могли выносить какие угодно – противогосударственные и противоправительственные – решения, и только когда насыщенная атмосфера выливалась в вооруженный бунт, это обстоятельство вызывало вмешательство комиссаров. Такая политика сбивала с толку и войска, и комитеты, и начальников.

При всем этом, заранее составленный предвзятый взгляд на командный состав, как на «контрреволюционеров», разница в убеждениях по общеполитическим вопросам и зачастую недостаток такта со стороны комиссаров – отталкивали их от командного состава. Нужно было особенно счастливое сочетание двух столь несходных во всех отношениях элементов, чтобы совместная работа их была не только возможна, но и плодотворна; в очень редких случаях это имело место.

Цели своей институт не достиг. В солдатской среде, как орган принуждения, иногда усмирения, комиссары уж тем самым не могли найти популярности, а отсутствие прямой, разящей власти не могло создать им авторитета силы, наиболее чтимого даже совершенно утратившими дисциплину частями. Это подтвердилось впоследствии, после захвата власти большевиками, когда комиссары вынуждены были одними из первых, с большой поспешностью и тайно, покинуть свои посты.

«Крамолы» они не избыли: начальники, за редкими исключениями, отстаивали свое право высших назначений, в случаях комиссарского неодобрения. Революционная власть не довела своего мероприятия до логического конца, как это сделали потом большевики, вручив комиссарам право распоряжения жизнью и смертью опекаемых ими военных начальников. Впрочем, и там этот опыт приходит к концу: постепенно отбрасывая все «завоевания революции» в области демократизации армии, как то: выборное начало, митинги, комитеты, упразднение единоличной дисциплинарной власти. Советская власть посягнула и на институт войсковых комиссаров: по докладу Троцкого, еще на 7-м съезде советов принципиально принят был вопрос об уничтожении этого института; меру эту предполагалось провести постепенно, причем комиссаров должны были заменить помощники командиров по политической части.

Итак, в русской армии вместо одной появились три разнородных, взаимно исключающих друг друга власти: командир, комитет и комиссар. Три власти призрачные... А над ними тяготела, на них духовно давила своей безумной, мрачной тяжестью – власть толпы.

Рассматривая вопрос о новых органах – комиссарах и комитетах, и их роли в судьбах русской армии, я стоял исключительно на точке зрения сохранения нашей вооруженной силы, как важного фактора в грядущих судьбах нации. Но было бы неправильно ограничиться такой постановкой вопроса вне зависимости его от общих законов, управлявших жизнью народа и ходом революции. Скажу больше: все эти исходящие явления носят печать логической последовательности и неизбежности, в силу той роли, которую пожелала играть революционная демократия. В этом был весь трагизм положения.

В распоряжении социалистической демократии, совершенно не было подготовленных элементов для технических аппаратов управления армией. И, вместе с тем, не было ни решимости, ни возможности подавить сопротивляемость буржуазной демократии и командного состава, заставив их работать во славу социализма, как это сделали впоследствии большевики, методами кровавого, беспощадного истребления, заставившие служить коммунизму остатки русской интеллигенции и офицерства.

Став фактически у власти и поставив известные цели и задачи, революционная (социалистическая) демократия знала хорошо, что те элементы управления и командования, которые должны проводить их в жизнь, совершенно не разделяют ее взглядов. Отсюда – неизбежное недоверие и желание ослабить влияние и значение

этих элементов. Но какими методами?.. В силу потери идеи государственности и любви к Родине, центральный революционный орган в борьбе с политическими противниками проводил методы разрушения, не заботясь о том, что они одновременно были направлены к разрушению страны и армии.

Наконец еще одно важное обстоятельство: революция, потрясая все государственные основы и взаимоотношения классов, случилась тогда, когда весь цвет нации, до 10 миллионов, был под ружьем. Предстояли выборы в Учредительное Собрание... При таких условиях предотвратить вторжение политики в армию было абсолютно невысказимо, как невысказимо остановить течение реки. Но ввести ее в надлежащее русло, быть может, было возможно. На этой почве также столкнулись обе стороны с их различными методами (государственно-охранительным и демагогическим), в стремлении овладеть настроением такого решающего фактора, каким для революции являлась армия.

Вот те предпосылки, которые определяют и дают логическое обоснование всему последующему ходу демократизации армии. Правивший сначала из-за кулины, потом явно, класс социалистической демократии для укрепления своего положения и в угоду инстинктам толпы разрушил военную власть и содействовал созданию коллегиальных военных организаций, хотя и не вполне отвечавших направлению Совета, но менее опасных и более поддающихся его влиянию, чем командный состав. Явно сознаваемая необходимость какой-либо военной власти, недоверие к командному составу с одной стороны и желание создать буфер между двумя искусственно разъединенными элементами армии с другой – привели к учреждению института комиссаров, находившихся в двойной зависимости от Совета и правительства. Оба института, не удовлетворив ни солдат, ни офицеров, пали вместе с Временным правительством, возродившись вновь в несколько измененной форме в Красной Армии, и вновь отмеченные жизнью.

Ибо, «как человек не может выбрать себе возраста, так и народы не могут выбирать свои учреждения. Они подчиняются тем, к которым их обязывает их прошлое, их верования, экономические законы, среда, в которой они живут. Что народ в данную минуту может разрушить путем насильственной революции учреждения, переставшие ему нравиться, – это не раз наблюдалось в истории. Но чего история никогда еще не показывала, это – чтобы новые учреждения, искусственно навязанные силой, держались сколько-нибудь прочно и положительно. Спустя короткое время – все прошлое вновь входит в силу, так как мы всецело созданы этим прошлым, и оно является нашим верховным властителем».

Возродится, очевидно, и русская национальная армия, не только на демократических, но и на исторических началах.

Продолжение следует...